

Поворотным моментом в отношениях Линь Сэня и его помощницы стало то, что в самый тяжелый для него период она предпочла остаться и поддержать его. Это глубоко тронуло Линь Сэня, и с тех пор он ни разу не менял ассистента. Если она и была трансмигратором, то её задачей, скорее всего, было помочь Линь Сэню завершить съемки в той драме, чтобы у него даже мысли не возникло искать замену.

Но...

Хайбао моргнул. Раннее появление Хэ Тинвэй сделало съемки Линь Сэня невероятно легкими. К тому же, желая отплатить Хэ Тинвэй за помощь, Линь Сэнь, разрываясь между работой и заботой о нем, уже не имел сил уделять внимание кому-то еще. Как бы ни старалась помощница, она уже не могла занять то место в сердце Линь Сэня, которое было отведено ей в оригинальном сюжете. И как только Линь Сэнь и Хэ Тинвэй сблизились, Хэ Тинвэй по собственной инициативе сменил ему ассистента.

Строго говоря, если помощница была трансмигратором, то её первая миссия провалена. Однако Система до сих пор не подала сигнала о провале, а значит, можно сделать вывод, что она — не трансмигратор. Тогда следующим наиболее вероятным кандидатом становится Чу Цзиньи.

В чем же заключается миссия Чу Цзиньи?

Ранее Хайбао, анализируя характер Линь Сэня, говорил, что тот предъявляет высокие требования и к себе, и к окружающим, признавая только сильных. На самом деле это не совсем так, и Чу Цзиньи — исключение.

У Чу Цзиньи неплохая семья, он младший ребенок, которого все балуют, что привело к тому, что почти в тридцать лет его мысли остаются такими же чистыми, как у неискушенного студента. При таком раскладе Линь Сэнь не решается доверять ему серьезные дела; по большей части он лишь талисман для оживления атмосферы, и трудно разглядеть связь между его линией и основным сюжетом. Но если присмотреться, можно заметить, что многие случайные встречи Линь Сэня с влиятельными людьми связаны именно с Чу Цзиньи.

Поэтому Дун Чэн предположил, что миссия Чу Цзиньи отличается от других: его задача — рекомендация.

То есть создавать ситуации, в которых появляются полезные для Линь Сэня люди, а затем способствовать их встрече.

Например, Линь Сэнь получил награду лучшего актера отчасти потому, что на свадьбе Чу Цзиньи встретил одного перспективного режиссера. Они нашли общий язык при обсуждении сценария, и Линь Сэнь стал его личным выбором на главную роль.

Но из-за того, что Хэ Тинвэй появился раньше, Линь Сэнь вполне может стать лучшим актером

заранее, и тогда, с повышением своего статуса, он, возможно, встретил бы того режиссера и без рекомендаций Чу Цзинъи.

Думая об этом, Хайбао снова открыло список из тринадцати второстепенных персонажей, составленный Дун Чэном. Оно обнаружило, что многие из них встречались Линь Сэню по мере его постепенного подъема, а с появлением Хэ Тинвэя скорость карьерного роста Линь Сэня увеличилась, что позволило ему разминуться как минимум с пятью-шестью персонажами.

Один раз — случайность, но раз за разом?

Хайбао повернулось к Дун Чэну, вспоминая его слова о том, что он ускорил появление Хэ Тинвэя, чтобы Линь Сэнь в будущем не смог с ним справиться. Тогда оно действительно поверило и даже сочло его капризным.

Теперь оно поняло: это был не каприз, а удар в самое сердце — один шаг разрушил более половины возможностей встречи главных героев с потенциальными трансмиграторами.

Хайбао не удержалось, закрыло лапками мордочку и тихо пожаловалось Дун Чэну:

— Хозяин, ты раньше не объяснял мне всё так ясно. А теперь вывалил столько информации, не боишься, что у меня памяти не хватит, вычисления зависнут и я просто отключусь?

Дун Чэн поднял голову, искоса взглянул на него и снова уткнулся в сценарий, небрежно перелистывая страницы:

— Если бы ты не твердило постоянно, что сюжет рушится, я бы не выполнил задание, и мне не пришлось бы объяснять.

Голос Хайбао стал еще тише:

— Я не сомневаюсь в способностях хозяина, просто не одобряю такие методы. Это слишком грубое вмешательство в сюжет. Даже если ты устранишь всех остальных трансмиграторов и выступишь все миссии, получишь лишь минимальный балл. Этого хватит, чтобы не понизили в рейтинге, но чтобы подняться, другим достаточно пройти один мир, а тебе придется пройти десять.

— Мне всё равно.

Дело не в безразличии, а в том, что его гордость не позволяет ему быть рабом Системы, выполняя скучные и бесполезные задания. Но при его нынешней силе слепое сопротивление приведет лишь к тому, что Система его сотрет. Поэтому он просто придерживается правил Системы — продолжает выполнять задания, но делает это так, как ему нравится. А что касается уровней... разница в уровнях между всеми участниками в каждом мире невелика, и бонусы от чуть более высокого уровня — это всего лишь возможность получить роль получше, как, например, роль Чу Цзинъи в этом мире.

Правила Системы гласят, что трансмигратор должен выполнять свою миссию, одновременно разрушая миссию другого. Но задачи персонажа Дун Чэна сосредоточены в начале сюжета, тогда как миссии его противников охватывают всю историю целиком. Даже без учета статуса персонажей, для Дун Чэна это не совсем честно.

Впрочем, какая разница? Дун Чэн твердо верил в свои силы: для него всё это не имело никакого значения.

...

(Тяньцзинь)

## 6. Третьесортный кумир (часть 6)

Спустя неделю Дун Чэн наконец встретил Линь Сэня на церемонии начала съемок.

Пробираясь сквозь толпу, Дун Чэн прошел мимо Линь Сэня. Режиссер, обсуждавший с ним сценарий, поднял голову, увидел приближающегося Дун Чэна и тут же поманил его рукой, расплывшись в улыбке:

— Я смотрел ту драму, где вы играли с Линь Сэнем. Молодой человек, вам еще работать и работать над актерским мастерством.

Дун Чэн, слушая это, мгновенно залился краской, которая расплзлась от щек до самых кончиков ушей, и быстро закивал. Про себя он подумал: режиссер выразился крайне вежливо. В прошлой драме, чтобы разозлить Линь Сэня, он специально сохранял за собой имидж бездарного актера. Стоя перед камерой, он был до ужаса деревянным, и если бы не монтаж и озвучка, результат на экране был бы куда хуже.

Будучи режиссером, он не мог этого не понимать, но все же указал на несколько удачных моментов и дал пару советов.

Дун Чэн слушал очень внимательно, чуть ли не записывая всё в блокнот.

Наблюдая за таким Дун Чэном, режиссер почувствовал, что его настроение немного улучшилось. Честно говоря, он совсем не жаловал этого новичка, и если бы не его влиятельное покровительство, он бы ни за что не взял Дун Чэна на роль второго плана. Он опасался, что Дун Чэн, имея такую опору, как семья Хэ, будет вести себя как капризная звезда. Теперь же оказалось, что он не так уж плох.

Пока режиссер предавался размышлениям, Дун Чэн подошел еще ближе.

В этот момент на лице Дун Чэна все еще играл румянец, а взгляд был ясным. С такого близкого

расстояния режиссер увидел, что всё его лицо отражается в глазах юноши. Казалось, тот видит только его, и это выглядело необычайно искренне.

— Режиссер, я знаю, что моя игра ужасна, — сказал он, — но я готов учиться. Надеюсь, Линь Сэнь поможет мне, я обещаю не подвести съемочную группу.

Предубеждение режиссера пошатнулось еще сильнее. Он всерьез задумался: это ведь история о главном герое, у них с персонажем Дун Чэна много совместных сцен, и если Линь Сэнь согласится, это будет просто замечательно.

Но...

Он повернул голову и посмотрел на Линь Сэня. Отношения между ними были не из лучших, так что всё зависело от его позиции.

Заметив, что режиссер смотрит на него, Линь Сэнь тут же закрыл сценарий и многозначительно улыбнулся:

— Конечно, я сделаю всё возможное, чтобы помочь Дун Чэну.

Сегодня у режиссера не было запланировано сцен с участием Дун Чэна, но раз уж тот выразил желание учиться, он остался после церемонии и тихо сидел в стороне, наблюдая за игрой Линь Сэня.

Драма «Коварный сановник», как следует из названия, повествует о жизни великого интригана. От полного амбиций юноши, впервые входящего во дворец, до прозрения, когда он видит всю гниль двора, переживает притеснения и унижения. Он наконец понимает: только сила может противостоять силе. Вынужденный стать тем, кем меньше всего хотел быть — коварным сановником, — он помогает императору очистить двор, но в конце концов, когда нужда в нем отпадает, его предают, подвергают всеобщему позору, и он умирает на чужбине.

В первый день съемок сцен было немного, и около двух часов дня Линь Сэнь закончил работу.

Он только собрался уходить, как Дун Чэн поманил его рукой. Одной рукой он протянул термос, а другой указал на свое горло. Хотя сцен у Линь Сэня сегодня было мало, три из них были с плачем, и режиссер, будучи строгим, заставлял его плакать по-разному. Даже Линь Сэнь, обычно играющий с первого дубля, сегодня несколько раз переснимал сцены.

Когда днем он разговаривал с ассистентом, голос у него уже охрип. Дун Чэн поспешил отправить своего помощника заварить чай с семенами пан-да-хай, который только что принес — от него еще шел пар.

Линь Сэнь открутил крышку, вдохнул аромат и сразу понял, что внутри. Посмотрел на него, затем огляделся, убеждаясь, что никого нет, закрыл термос и передал его своему ассистенту.

Лицо его было мягким, как весенний ветер:

— Спасибо, молодой господин.

Линь Сэнь часто общался с Хэ Тинвэем и потому, вслед за людьми из семьи Хэ, называл Дун Чэна «молодым господином».

Дун Чэн с улыбкой покачал головой, мол, не стоит благодарности, и добавил:

— Мой водитель сегодня занят, не подбросите меня?

Едва он договорил, как ассистент Линь Сэня шагнул вперед:

— Молодой господин, господин Линь очень устал за день. Давайте я вас отвезу.

— Нет, — отрезал Дун Чэн. Затем он посмотрел на ассистента с иронией, словно увидел нечто забавное.

В тот момент, когда он передавал термос Линь Сэню, ассистент сделал полшага вперед. Под таким углом, если бы Дун Чэн решил напасть на Линь Сэня, он мог бы остановить его одним движением.

Не зря он человек Хэ Тинвэя.

Линь Сэнь заметил этот взгляд и подумал, что Дун Чэн может начать строить догадки об их отношениях с Хэ Тинвэем, но его это не особо волновало. Он посмотрел на ассистента, затем на Дун Чэна и сам предложил:

— Ничего страшного. Завтра у нас совместная сцена, не спеши уезжать. Поужинаем вместе, как раз обсудим сценарий.

— Это было бы просто чудесно!

Дун Чэн сощурил глаза, улыбаясь, и подошел к Линь Сэню. Он хотел положить руку ему на плечо, но Линь Сэнь ловко увернулся и мягко спросил:

— Что бы ты хотел съесть сегодня вечером?

Дун Чэн не рассердился, медленно сунул руки в карманы и с легкой улыбкой ответил:

— Линь Сэню виднее.

В тот вечер они не пошли в ресторан, а отправились в дом, который старик Хэ подготовил для Дун Чэна. Из продуктов, купленных ассистентом, Дун Чэн на скорую руку приготовил

несколько домашних блюд — выглядели и пахли они весьма аппетитно. Даже ассистент, которому Хэ Тинвэй неоднократно приказывал опасаться Дун Чэна, не удержался и съел лишнюю порцию.

После ужина Дун Чэн собирался убрать со стола, но ассистент, поевший из рук молодого господина, не мог позволить ему самому мыть посуду и вызвался помочь. Дун Чэн не стал настаивать и вместе с Линь Сэнем отправился в гостиную.

Хайбао уже давно уютно устроилось на диване. Увидев, что они идут, оно подплыло к Дун Чэну. Тот взял со стола сценарий и, бодро шагая за Линь Сэнем, помахал сценарием, когда Линь Сэнь обернулся, и радостно произнес:

— Линь Сэнь, давай начнем!

Линь Сэнь кивнул. Они сели по разные стороны дивана, разложив между собой сценарий. Дун Чэн еще раз просмотрел свои сцены.

В этой драме главный герой — безвестный чиновник, только начинающий свой путь, а второй главный герой — император, знатного происхождения, но связанный по рукам и ногам. При первой встрече император считает главного героя слишком чистым и наивным — такие люди не выживают в политике. Он не уделяет ему особого внимания. Вскоре, как он и предсказывал, главного героя подставляют и бросают в тюрьму. В то же время один из влиятельных сановников еще сильнее притесняет императора, и у того нет сил выяснять, что случилось с героем.

Когда они встречаются снова, главный герой уже не тот наивный юнец. Он решителен, жесток, но в душе его горит всё то же желание изменить прогнившие порядки двора.

Император ухватился за это, притворившись мудрым правителем, который ищет таланты, и приблизил его к себе. Он использовал героя для устранения препятствий на пути к власти. И когда герой осознал, что император стремится вовсе не к чистоте двора, а к личной власти, он попытался вразумить его. Но император не слушал, и герою пришлось идти своей дорогой в одиночку.

Император, однажды уже познавший, что такое быть под чьим-то гнетом, не потерпит того, кто его не слушается. Пока герой был полезен, он его держал, но как только обрел полную власть, первым, кого он принес в жертву, стал именно он.

— Искоренить зло и коррупцию — разве не этому ты меня учил? Теперь я это сделал, ты доволен?

Дун Чэн безэмоционально прочитал финальные слова императора, скривил губы и добавил:

— Герой с самого начала знал, что только силой можно противостоять силе, и у него были способности собрать эту силу. Жаль, что он не смог отбросить эти глупые представления о

верности императору, иначе не закончил бы так.

Линь Сэнь, выслушав этот по-детски упрямый комментарий, не удержался от смеха:

— Нужно учитывать исторический контекст. В те времена, даже если бы он смог совершить переворот, у него не было бы законных прав на трон, и он бы не удержался. К тому же, если бы он сам не позволил, разве император смог бы так быстро его сместить?

Дун Чэн поднял на него глаза, искренне удивившись:

— Э? Ты так это понимаешь?

Линь Сэнь подвинул сценарий к нему:

— Посмотри на характер героя. Он всегда ненавидел коррупционеров. Хотя он действовал вынужденно, позже он не мог не поддаться искушению властью. Если бы император не действовал так откровенно, герой мог бы до конца верить в свою сказку о герое. Поэтому, когда император приказал его казнить, помимо горечи предательства, он должен был почувствовать облегчение.

Дун Чэн задумчиво кивнул, вспоминая, как сегодня Линь Сэнь разговаривал с режиссером, и немного подвинулся к нему:

— Ты сегодня обсуждал это с режиссером? Что он сказал?

В этот раз Линь Сэнь не отстранился, а, подражая тону режиссера, произнес:

— Мало просто говорить, нужно уметь это сыграть.

После этих слов Линь Сэнь сам рассмеялся. Его улыбка больше не была поверхностной, она проникла в самые глаза, которые засияли. Это было так заразительно, что Дун Чэн невольно улыбнулся в ответ.

В этой гармоничной атмосфере Дун Чэн выбрал не самый сложный отрывок и начал играть перед Линь Сэнем.

Его игра стала намного лучше, чем в первый раз, когда Линь Сэнь видел его в деле, но жесты и мимика все еще были слишком нарочитыми и скованными. Линь Сэнь высказал свое мнение, посоветовал расслабиться и представить сцену из сценария, попытаться вжиться в роль.

Но если бы можно было вжиться в роль парой фраз, каждый стал бы великим актером.

Они общались несколько часов. Прогресс Дун Чэна был невелик, но их отношения совершили качественный скачок. Когда ассистент вернулся с ночным перекусом, Дун Чэн уже сидел не на другом конце дивана, а прямо рядом с Линь Сэнем. Сценарий лежал перед ними, и они

обсуждали уже не только его: Дун Чэн рассказывал забавные истории из своих путешествий, а Линь Сэнь делился впечатлениями о еде, которую пробовал в разных городах.

Ассистент почувствовал, как сердце ушло в пятки: ситуация становится опасной.

...

(Тяньцзинь)

## 7. Третьесортный кумир (часть 7)

На следующее утро Линь Сэнь встал рано. Едва открыв дверь комнаты, он почувствовал слабый аромат еды, доносящийся с кухни. Слегка улыбнувшись, он поплелся вниз в мягких тапочках:

— Чего так рано встал?

Не успел он закончить фразу, как увидел ассистента, выходящего из кухни с двумя мисками рисовой каши. Выражение лица Линь Сэня изменилось: улыбка осталась, но тепло в глазах исчезло.

Увидев Линь Сэня, ассистент ускорил шаг и ответил:

— Да вот, молодой господин ушел с самого утра. Он говорил, что приготовит завтрак, но я подумал, что он не успеет, и решил приготовить что-нибудь сам.

Линь Сэнь кивнул и подошел к столу, помогая расставить закуски к каше. В этот момент дверь открылась. Линь Сэнь быстро вышел из кухни и увидел человека в черном пальто, который торопливо вошел в дом. Изящное лицо было спрятано в огромном шарфе. Увидев Линь Сэня, он прищурился, и в его глазах вспыхнул яркий свет. Он протянул то, что держал в руках.

— Шумай из Наньчэна. Фирменное блюдо города Х, я всегда беру его, когда бываю здесь.

— ...Ты, — Линь Сэнь запнулся, увидев его промокшие волосы. Он коснулся его плеча — оно тоже было мокрым. Нахмурившись, он забрал сверток: — На улице дождь?

Дун Чэн кивнул. Кончики волос дрожали, и с них срывались капли воды, быстро впитываясь в шарф.

Линь Сэнь поспешил подтолкнуть его к лестнице:

— Сначала переоденься, я попрошу Сяо Вана разогреть это.

Дун Чэн тихо промычал в ответ и поднялся вверх.

Во время завтрака ассистент с беспокойством поглядывал на Дун Чэна и наконец осторожно сказал:

— Молодой господин, в следующий раз, если что-то захотите, просто скажите мне — я схожу. А то если вы заболаете, что я скажу старому господину?

Дун Чэн рассмеялся и бросил ему в миску шумай:

— Ты мне не ассистент, что тебе отчитываться? К тому же я знаю свой организм. Я не собирался ничего покупать, просто шел, вдруг начался дождь, и я вспомнил, как снимался здесь в рекламе, было так же холодно.

Он улыбнулся, вспоминая те дни. Волосы, полусухие и растрепанные, падали на лоб, и он выглядел на несколько лет моложе, а его слова звучали по-детски искренне:

— Тогда мой ассистент тоже принес мне корзинку шумай. И сегодня тоже было так холодно, что мне безумно захотелось их съесть.

Линь Сэнь покачал головой и усмехнулся:

— Подумаешь, корзинка шумай. Кто не знает, подумает, что тебе драконье мясо принесли.

— Это другое, — проглотил Дун Чэн кусочек. — Это вопрос счастья. Тогда я почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Когда Дун Чэн говорил это, уголки его губ были высоко подняты, и он походил на ребенка, хвастающегося своей игрушкой. Это сильно контрастировало с его обычным имиджем искушенного человека. Линь Сэнь не удержался от подколки:

— О? А сегодня? Ты пробежал полгорода ради шумай, ты счастлив?

Дун Чэн не ответил прямо, а сказал:

— Линь Сэнь, ты не понимаешь романтики.

— М? — Линь Сэнь закончил завтракать и отложил палочки, слушая его.

Дун Чэн продолжил:

— Что такое романтика? Парень ухаживает за девушкой или парень за парнем, устраивают что-то этакое — это называется романтикой? Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь.

— А что тогда? — ассистент, заинтригованный этой бессмысленной темой, тоже поднял голову.

Дун Чэн улыбнулся:

— Скажем, я хочу приударить за Линь Сэнем...

Не успел он договорить, как ассистент поперхнулся кашей и закашлялся. Дун Чэн закатил глаза:

— О чем ты думаешь? Я же сказал — «скажем», просто для примера!

Ассистент кивнул, кашляя, и попросил его продолжать.

— Какой же ты пошляк!

Ассистент закашлялся еще сильнее, а на лице Линь Сэня снова появилась улыбка:

— Не обращай на него внимания, продолжай. К примеру, что?

<http://bllate.org/book/22131/2305784>